

А. О. Большаков, А. Г. Суцевский

ГЕРОЙ И ОБЩЕСТВО В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ¹

I

Отношение к героизму и герою — одна из важнейших черт системы ценностей всякого общества и, соответственно, характеристика его культуры в целом. В древнем Египте оно чрезвычайно специфично, и исследователь проблемы взаимоотношений личности и социума тем более не должен проходить мимо него. Но прежде чем обратиться к египетским материалам, необходимо четко определить наше понимание героя, ибо зачастую слово это употребляется неточно.

Эталоном героики для нас обычно служит культура древней Греции, однако греческое *ἦρως* многозначно и употребляется для обозначения очень разных явлений. Это и отважные воины героического периода, и легендарные эпонимы, и исторические основатели общин. Таким образом, термином *ἦρως* греки обозначали две во многом противоположные фигуры, которые мы называем героем и культурным героем. Такое объединение, несомненно, отражает греческое понимание героики, но говорит оно не столько о сущности *ἦρως*, сколько о самом факте его почитания за те или иные необычные деяния. В целом ряде конкретных исследований ученый может и даже обязан принимать эту точку зрения (нам еще тоже придется к ней обратиться), однако там, где речь заходит об общих закономерностях функционирования культуры и общества, начинает сказываться ограниченность такого подхода, мешающая теоретическому осмыслению героики как особого историко-культурного феномена.

Для такого осмысления следует на время отрешиться от частных и обратиться к идеальной, в действительности не существующей картине этого феномена, обращая особое внимание на структурные связи его элементов. Несомненная искусственность этой картины не должна нас смущать и порождать недоверие к получаемым выводам — в конце концов, не только точные науки стоят на идеальных моделях, но и история без их применения превращается в россыпь никак не связанных между собой необъяснимых фактов.

Существование любой системы, в том числе и общества, определяется диалектическим единством полярно противоположных, противоборствующих тенденций — организации, стабильности, самовоспроизводства и изменчивости, разрушения, развития. Всякая социальная структура вне зависимости от своих масштабов возникает как результат упорядочения тем или иным путем социального хаоса и утверждения на всех уровнях соответствующих норм общежития. Поскольку для общества как целого

¹ Разделы I и II написаны А. О. Большаковым, раздел III — А. Г. Суцевским, раздел IV — совместно.

порядок предпочтительнее хаоса, эти перемены, к каким бы последствиям они в дальнейшем ни привели, расцениваются им как благо (неизбежное ущемление интересов отдельных групп и слоев не в счет). Вступив после этого в период зрелости, социальная структура стабилизируется, а власть оказывается все более и более склонной к поддержанию status quo, к воспроизводству существующих отношений. Эта искусственно поддерживаемая стабильность вступает в противоречие с необходимостью дальнейшего развития, так что в обществе возникают напряжения, которые в конце концов ведут в зависимости от жесткости властных и социальных структур к их изменению или разрушению. Верх берет тенденция изменчивости, пробиваются первые ростки нового, освободившегося от оков стабильности, а затем это первоначально хаотичное новое организуется, вводится в определенные рамки, структурируется. Начинается новый виток развития общества.

Можно сказать, что эти две тенденции воплощаются в культурном герое и в герою, взятых в чистом виде. «Чистый» культурный герой всегда творец, организатор природного (в мифе) и социального хаоса, благодетель людей. «Чистый» герой — не создающий ничего стихийный сокрушитель существующего, не признающий никаких норм и поэтому зачастую опасный для окружающих. Деятельность «чистого» культурного героя осмысленна, направлена на достижение определенного результата. Подвиг «чистого» героя случаен, не преследует никаких целей кроме разрушения как такового, является самоценным поступком ради поступка. Культурным героем поэтому часто оказывается мудрец, разумный правитель, законодатель, а героем — воин в широком смысле слова. Таким образом, «чистые» герой и культурный герой — фигуры взаимосвязанные (поэтому в мифе они часто составляют пары), но по сути своей антагонистичные².

Разумеется, в действительности такое разделение до конца никогда не выдерживается, противоположности сходятся, и мировые фольклор и литература дают широкий спектр сочетаний в одном лице черт культурного героя и героя, так что говорить можно лишь о преобладании в каждом конкретном случае либо одних, либо других качеств. Это вполне естественно, ибо жизнь неизмеримо богаче любой схемы. Культурный герой, всецело ориентированный на порядок, на этапе созидания неизбежно оказывается борцом с силами хаоса и в результате обретает черты героя; поступки героя, сами по себе бесполезные, расчищают место для будущего созидания, могут быть использованы во благо, и это сближает его с культурным героем³. Сближение вызывается еще и тем, что и герой, и культурный герой действуют в особых обстоятельствах, обладают качествами, отсутствующими у обычных людей, совершают поступки, невозможные для всех остальных. Наконец, в жизни нет и не может быть последовательно героического характера, способного только на разрушение, как нет и не может быть характера абсолютно организованного, приносящего только пользу. Так возникает универсальное понятие троя, точно отражающее сложную природу героя и культурного героя, но совершенно непригодное, когда речь идет о структурных характеристиках (например,

² Между взаимоотрицающими культурным героем и героем стоит фигура трикстера, воплощающая равное неприятие обществом как чрезмерной организационной жесткости, так и разгула стихийности. Отрицая оба эти полюса, трикстер уравнивает противоположности и мешает усилению каждой из них.

³ Например, Гильгамеш или Тесея являются и благодетельными правителями, и неустрашимыми воинами. Но все же примечательно, что и у них эти функции разделены хронологически — тем и другим одновременно быть невозможно.

в нашей общепринятой терминологии культурный герой выглядит частным случаем героя, что не соответствует истине). Поэтому представляется разумным, говоря о сущностной основе рассматриваемых фигур, о «чистом культурном герое» и «чистом» герое, отказываться от этих названий, заменяя их, по аналогии с трикстером, функциональными терминами «конструктор» и «деструктор». Не следует забывать, что в дальнейшем мы будем иметь в виду именно такого героя-деструктора.

Как бы ни видоизменялся облик героя, его важнейшие черты все же сохраняются обязательно. Прежде всего, он ориентирован на разрушение и даже если творит благо, то главным образом через уничтожение чего-либо вредного. Поэтому совершенно естественно, что он по самой сути своей является борцом, смысл жизни которого состоит в одолении противостоящей силы. Отсюда героический характер — свободный, не стесняющийся себя никакими рамками, склонный к аффектам, яростный, нерасчетливый, ищущий не выгод, но славы. Крайним проявлением этого характера является безумие, толкающее героя на самые невероятные и и дикие поступки⁴.

Теперь определим, выполнение каких объективных и субъективных условий позволяет говорить о героике как о явлении в жизни социума. Условий таких три. Во-первых, конечно, необходимо объективное внутреннее условие — наличие у человека соответствующих физических и духовных качеств, делающих его способным на то, что другим недоступно. Об этих качествах, порождающих так называемый героический характер, сказано уже достаточно. Совокупность их можно условно назвать мужеством, отвагой и т. п., хотя термины эти весьма и весьма приблизительны. Далее, требуется возможность проявить себя, совершить отважный поступок, являющаяся вторым объективным условием, на этот раз внешним по отношению к человеку. Наконец, нужно, чтобы общество соответствующим образом оценивало этот поступок — условие уже чисто субъективное, но от того ничуть не менее важное. Каждое из перечисленных условий необходимо, но само по себе недостаточно; лишь выполнение всех трех порождает героя. Действительно, отважный человек, которому пегде себя реализовать, героем быть не может — его качества лишь потенция подвига, не более того. Точно так же отважный поступок сам по себе, без совершенно определенного отношения к нему окружающих еще не подвиг — поскольку он стихийен и бесполезен, общественное мнение может увидеть в нем лишь бессмыслицу, глупость, не имеющую никакой ценности, и тем самым свести все его значение на нет. Иными словами, нужно, чтобы отчаянному человеку было где развернуться и чтобы все вокруг ценило его поступок не за результат, а за особость, за то, что никто больше такого совершить не может.

Хорошо известно, что в древнем Египте представления о герое не играли сколько-нибудь заметной роли⁵ и что на месте героического идеала стоял идеал удачливого бюрократа. Это уже давно успело стать баналь-

⁴ Ср. историю об атлете Клеомеде, который совершенно бессмысленно, только для того, чтобы дать выход своей богатырской силе, обрушил здание школы, завалившее шестьдесят детей. Боги спасли его от преследования горожан, и оракул объяснил это тем, что Клеомед является героем (*Paus.* VI. 9.6). У греческих авторов можно найти немало других свидетельств о подобных поступках героев. Не будем забывать и о безумии Геракла; объяснение его как наказания — всего лишь поздняя интерпретация универсального представления о ненормальности героя.

⁵ Это знал еще Геродот (II. 50), правда, он имел в виду другую сторону дела (II. 143—144). Особость героя обычно объясняется вознесением его рода к божеству, в Египте же в родстве с богами состоит только царь.

ностью, повторяемой даже неспециалистами⁶, однако сущность и значение этого феномена до сих пор остаются должным образом не изученными и не находят отражения в египтологической литературе. Нынешнее состояние проблематики прекрасно отразилось в небольшой статье Д. Вильдунга, написанной как обобщение для «Лексикона египтологии»⁷. Справедливо отметив отсутствие в египетском языке терминов для обозначения героя, автор не пытается раскрыть причины этого, но зато утверждает, что в функции героев в Египте выступали обожествленные исторические лица — такие, как Имхотеп, Хесахт или Аменхотеп, сын Хапу. Такое понимание соотносится с греческим *ἥρωας*, но представляет собой абсолютизацию одной из его сторон — все перечисленные фигуры являются культурными героями, не имеющими отношения к подлинной героике. Как мы уже убедились, в методологическом отношении такое смешение опасно, ибо оно уводит от сути проблемы. Наш подход, основывающийся на противопоставлении героя-деструктора культурному герою-организатору, прямо противоположен позиции Вильдунга.

Представление о герое всегда функционирует на разных уровнях; обычно это уровни человека (вернее, сверхчеловека, ибо герой всегда стоит над людьми) и божества. В Египте с его спецификой необходимо также выделение уровня царя; более того, именно он в силу ряда причин имеет особое значение. Постараемся теперь, основываясь на сформулированных положениях, диахронически проследить, какие свидетельства о героическом дают египетские памятники. Распределение их по эпохам и категории их различны, но все же, взятые вместе, они создают вполне показательную картину.

II

Специфика памятников додинастического и раннединастического периодов не позволяет делать сколько-нибудь определенные выводы о мировоззрении этой эпохи, в том числе и о представлениях о герое, но все же некоторые интересные свидетельства до нас дошли. Это изображения человека, борющегося с двумя львами, — на стене иераконпольской гробницы № 100⁸, на рукоятке ножа из Гебель эль-Арака⁹, на костяном фрагменте из Иераконполя¹⁰, на сосуде из Нагады¹¹. Сюжет этот хорошо известен в Передней Азии и в Месопотамии, где он стоит в совершенно понятном героическом контексте, и поэтому, как бы мы ни подходили к проблеме ранних связей Египта с его восточными соседями, несомненно, что указанные изображения имеют непосредственное отношение к кругу представлений о герое.

Интересен для нас и один из важнейших мифов Египта — миф о крылатом солнечном диске Хоре Бехдетском. К сожалению, полностью он известен лишь по записи храмовой мистерии птолемеевского времени¹²,

⁶ Например, *Алпатов М. В.* Всеобщая история искусств. Т. I. М.—Л., 1948. С. 106.

⁷ *Wildung D.* Heroen // *LÄ.* Bd III. 1977. S. 1152—1153.

⁸ *Quibell J. E.* Hieraconpolis. Pt. II. L., 1902. Pl. 75.

⁹ *Bénédict G.* The Carnarvon Ivory // *JEA.* 1918. V. 5. Pl. 32.

¹⁰ *Quibell J. E.* Hieraconpolis. Pt. I. L., 1901. Pl. 12, 2.

¹¹ *Petrie W. M. Et., Quibell J. E.* Naqada and Ballas. L., 1896. Pl. 51, 7.

¹² *Chassinat E.* Edfou VI. P. 108—132; Edfou XIII. Pl. 518—533; *Fairman H. W.* The Myth of Horus at Edfou. I. // *JEA.* 1935. V. 21. P. 26—36; *Gardiner A. H.* Horus the Behdetite // *JEA.* 1944. V. 30. P. 23—60.

но многочисленные намеки на него имеются в более ранние эпохи, а содержание его, отражающее борьбу за объединение страны, позволяет отнести его возникновение к додинастике или к Раннему царству (конечно, в той степени, в какой можно говорить об отражении мифом действительности). Хор Бехдетский выступает защитником своего отца Ра-Харахти, сотнями уничтожающим его врагов и изгоняющим главного среди них — Сета. Его действия и, главное, их оценка позволяют говорить о явно героическом характере этого мифа.

Таким образом, на этапе до окончательного объединения страны и создания централизованного государства представление о герое существует (хотя мы и не можем реконструировать его должным образом), и, следовательно, ранняя египетская культура лежит в общем русле развития, для которого героика является обязательным элементом. С наступлением Старого царства ситуация диаметрально меняется. Разумеется, отважные люди в это время не вывелись, и мы с ними еще столкнемся — просто теперь стало невозможным выполнение второго и третьего условий, порождающих героя.

Экологическая специфика Египта, вытянутого узкой полосой в долине Нила, вела к неизбежному и более быстрому и прочному, чем где бы то ни было в мире, политическому и экономическому объединению номовых государств в пределах естественных природных границ. Можно сказать, что для Египта нормой является единство, сменяемое лишь краткими периодами распада, тогда как прочие культуры древности (до империй) существуют в основном в условиях раздробленности. Результатом этого была высочайшая в истории концентрация власти в руках египетского царя и сверхцентрализация во всех областях жизни общества. С другой стороны, быстрота объединения привела к тому, что в эпоху централизованного государства перешло весьма архаичное мировоззрение, не успевшее разложиться за «номовый период», и идеология Старого царства основывалась на древнейших, первобытных по сути представлениях, преломленных, разумеется, сквозь призму государственности.

В полной мере это касается представлений о власти. Древний священный правитель превратился в царя: при этом его важнейшие функции — регулирование жизни общества и обеспечение природного изобилия и благосостояния народа — сохранились, но обрели качественно новые черты. В соответствии с новыми масштабами государства царь стал существом совершенно особой, нечеловеческой природы, а его регуляторные функции сделали его богом-регулятором миропорядка, в известной мере заменяющим всех прочих богов. Это очень естественно: в Египте, изолированном в это время от остального мира, государственность оказывается тождественной миропорядку, а ее упадок — крушению мира¹³. Понятно, что поведение царя, от которого зависят судьбы вселенной, было полностью регламентировано, и, обладая неограниченной властью, он оставался рабом бесчисленных правил. Всецело ритуализированная, его жизнь протекала во дворце, где даже среди придворных видеть его и тем более прикасаться к нему могли лишь немногие. Концепция царя-организатора мироздания диаметрально противоположна идее героя-разрушителя, а его образ жизни просто не дает никаких возможностей для проявления героизма, т. е. не удовлетворяет второму нашему условию. Встречаю-

¹³ Сходные представления были распространены очень широко, но нигде они не имели столь законченного вида: у других народов постоянные контакты с соседями, от которых Египет был избавлен, хотя и не вызвали сомнения в исключительности «своей» государственности, все же лишали ее ореола единственности.

щиеся иногда изображения царя, повергающего врагов или терзающего их в образе сфинкса, носят чисто ритуальный характер и тем самым свидетельствуют только о его мироорганизующей роли. Тексты пирамид также не упоминают царя в героическом контексте; будучи практически единственным в Старом царстве источником мифологического характера, молчат они и о героических деяниях богов.

Управление пусть даже не очень большой по площади, но зато вытянутой на тысячу километров страной потребовало создания всеобъемлющего бюрократического аппарата со строго иерархичной структурой, начиная с самых мелких начальников, мало чем отличавшихся от своих подчиненных, и кончая визирем, возглавлявшим государственную машину. Каждый из чиновников находился в полной зависимости от своего начальства (недаром человек, имевший возможность соорудить себе весьма представительную гробницу, хвалится тем, что ни разу не был бит в наказание¹⁴), а все они вместе были во власти царя, всецело распоряжавшегося их судьбой.

В условиях жесткой чиновной иерархии складывается хорошо отработанная система социальных ролей, в рамках которой только добросовестная служба позволяет подняться на более высокую ступеньку, а занимаемая должность служит критерием оценки индивида. Это ни в коем случае не означает ненужности инициативы — для карьеры она была необходима, но лежала в строгих границах должностных обязанностей.

Несмотря на громоздкость и недостатки, связанные с чрезвычайной жесткостью структур власти, эта система управления долгое время была достаточно эффективной — именно ее сбалансированность позволила Старому царству просуществовать шесть веков. Обществу, организованному на этих принципах, герой просто опасен — любая его деятельность будет неизбежно направлена на разрушение достигнутого с таким трудом порядка и тем самым поведет к расшатыванию основ всего мироздания. В результате героя полностью вытесняет из жизни Египта, что и подтверждается всей совокупностью известных нам памятников.

Важнейший источник, рассказывающий о повседневности Старого царства, — настенные изображения в гробницах знати. Они посвящены исключительно бытовым и ритуальным сюжетам; человек показывается только наслаждающимся благами, которые дает ему его хорошо организованное хозяйство¹⁵. Так раскрывается жизненный идеал, к которому стремится чиновничество, — материальная обеспеченность. Встречающиеся в этих гробницах надписи (авто)биографического характера объясняют способ достижения этого идеала и то, какие качества расценивались египтянами как добродетели. Они создают образ всецело занятого своей службой чиновника, интересы которого сконцентрированы на выполнении поставленных перед ним задач и на следующем за это вознаграждении. Самая обширная и подробная из надписей такого рода — жизнеописание Уни¹⁶ — рассказывает о человеке, который собственными руками создал свою блестящую карьеру и сумел подняться с низов чиновной иерархии до поста визиря. При этом характерно, насколько любовно и уважительно Уни говорит о каждом из выполнявшихся им за-

¹⁴ См. Urk. I. S. 75.

¹⁵ Некоторое исключение составляют две сцены осады крепостей — события, сыгравшие, вероятно, важную роль в карьерах изобразивших их людей (*Smith W. S. A History of Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom. L., 1949. Fig. 85—86*). Однако и здесь хозяева гробниц не включены в события — они лишь наблюдают за ними, точно так же, как за хозяйственными сценами.

¹⁶ Urk. I. S. 98—108.

даний, будь то экспедиция в каменоломни или тайный суд над провинившейся царицей, — все они имеют для него равную значимость, ибо в конечном счете важно не содержание службы, а правильное и тщательное ее исполнение.

Образ чиновника, знакомый нам по гробничным надписям, находит свое идеальное выражение в «Поучении Птаххотепа»¹⁷, которое, будем ли мы считать его восходящим к реальному Птаххотепу, визирю царя Исеси, или же только приписываемым ему, в любом случае отражает действительность Старого царства. В этом кодексе поведения, где большое внимание уделяется послушанию, чиновничеству и благопристойности, героические доблести, разумеется, немыслимы.

Увидеть ту же самую проблему в несколько ином аспекте позволяет один довольно своеобразный памятник. Иногда египтяне писали своим умершим родственникам письма с просьбами о помощи и заступничестве. И вот¹⁸ вдова Ирти жалуется своему мертвому мужу на неких Бехезти и Ананхи, отнявших у нее дом с обстановкой и прислугой. Ирти просит мужа отомстить мерзавцам и для этого поднять всех его мертвых предков. Казалось бы, эти разгневанные мертвецы должны наказать или хотя бы основательно напугать негодяев, но египтянка просто не может представить себе такого самоуправства — заступники должны судиться с обидчиками, доказать их вину и тем самым «повергнуть» их. Этот небольшой текст хорошо иллюстрирует атмосферу египетского бюрократического порядка, где даже область сверхъестественного настолько регламентирована, что и в ней невозможен поступок, выходящий за пределы норм государственного регулирования.

Если в Египте, где жизнь каждого человека и всего общества зажата строго определенными рамками, не соблюдается наше второе условие, то многочисленным участникам военно-торговых экспедиций открывается широкий простор для проявления личного мужества за пределами страны. Они и совершают отважные поступки, но это не превращает их в героев, ибо здесь не выполняется третье условие. Война рассматривается египтянином как работа — профессиональных военных еще нет, а в ополчении участвуют и руководят им люди, всецело разделяющие общегипетскую систему ценностей. Ярчайшее свидетельство этого дает все та же надпись Уни, где воинские эпизоды излагаются так же бесстрастно, как и мирные. Особенно показательна, как в автобиографию включена победная песня, вероятно, действительно исполнявшаяся во время возвращения отряда на родину: «Это войско вернулось (букв.: „пришло“) успешно (букв.: „в довольстве“), разворотив страну кочевников. Это войско вернулось успешно, разорив страну кочевников» и т. д. Казалось бы, здесь самое место сказать об отваге воинов-ополченцев и их командира, однако речь идет только о материальном успехе, а вывод, которым Уни подытоживает описание победного возвращения, объясняет, что было для него здесь самым важным: «Хвалил меня его величество за это чрезвычайное».

То же самое прослеживается и в других автобиографиях. Элефантинский номарх Хуфхор¹⁹ был послан в нубийскую область Иам, «чтобы открыть путь в эту чужеземную страну». Совершенный им впервые в истории нубийских экспедиций поход был, конечно, сложен и опасен, но Хуфхор сообщает лишь о его результатах — доставке ценной добычи

¹⁷ См. Zaba Z. Les maximes de Ptahhotep. Prague, 1956.

¹⁸ Gardiner A. H., Sethe K. Egyptian Letters to the Dead. L., 1928. Pl. 1.

¹⁹ Urk. I. S. 120—131.

и царской похвале. Другой эфантийский номарх, Пиопинахт²⁰, точно так же объясняет мотивы, которыми он руководствовался в военных действиях в Нубии: «Я сделал (это), чтобы хвалил меня владыка». Наконец, еще один номарх Элефантины, Сабни²¹, совершил необычный и выдающийся поступок: когда его отец умер или погиб в экспедиции в Нубии, он организовал поход за его телом, привез его в Египет и достойно похоронил. Судя по всему, поход не обошелся без сложностей с местными племенами, но Сабни упоминает это лишь мельком, зато подробно описывает почести, ожидавшие его при дворе за выполнение сыновнего долга и за доставку ценностей, ради которых и был послан в поход его отец.

Нельзя забывать и еще об одном обстоятельстве, несомненно оказавшем влияние на появление отношения к войне как к работе. Для воинского героизма нужен противник по крайней мере равный, а еще лучше превосходящий силами, ибо победа над слабейшим славы принести не может, — египтяне же в Старом царстве были на голову сильнее всех своих неорганизованных и разрозненных врагов и были просто обречены на победы. Таким образом, и на периферии у египтянина нет возможности стать героем²².

Заканчивая разговор о Старом царстве, отметим еще один факт, имеющий принципиальнейшее значение. У любого народа, достигшего предгосударственного или раннегосударственного уровня, неизбежно возникает та или иная форма эпоса с героической центральной фигурой. Нет никаких оснований полагать, что Египет был исключением, и, скорее всего, во времена борьбы за объединение долины Нила какие-то эпические сказания должны были появиться. Однако уже в Старом царстве о них не осталось и воспоминания — уж слишком не соответствовали они идеалам эпохи развитой бюрократической государственности. Нет намеков на существование эпоса и в памятниках последующих исторических периодов — чиновник осилил героя.

Старое царство заканчивается распадом Египта на ряд самостоятельных, враждующих друг с другом образований. Этот I Переходный период впоследствии рассматривался египтянами как величайшая катастрофа в жизни страны, ибо упадок государственности был равнозначен для них крушению мира. К тому же непрерывная, восходящая к эпохе богов линия престолонаследия пресеклась, а реальное положение новых правителей, несмотря на все их претензии, было несопоставимо с древностью. Понятно, что в этой ситуации появились первые политические сочинения, затрагивающие проблему власти (позднее традиция политической литературы продолжится в Среднем царстве). Это впервые позволяет достаточно полно реконструировать представление о важнейших качествах идеального царя и сопоставить их со свидетельствами памятников о проявлении этих качеств в реальной жизни.

²⁰ Urk. I. S. 131—135.

²¹ Urk. I. S. 135—140.

²² Конечно, Старое царство предоставляет в наше распоряжение только памятники, связанные с гробничным культом, которые в любой культуре на передний план выдвигают достоинства, направленные на поддержание стабильности (ибо стабильности требует сам культ). Более того, мы знаем, что в староегипетских гробницах действительность воспроизводилась с некоторыми искажениями, направленными на ее улучшение (см. *Большаков А. О.* Представление о Двойнике в Египте Старого царства // ВДИ. 1987. № 2. С. 31—32). Однако эти искажения не абсолютны, они оставляют следы, их можно выявить и реконструировать стоящую за ними реальность; предполагать же, что чрезвычайно важная сторона жизни оказалась полностью скрытой, все-таки невозможно.

В «Речении Ипувера»²³, подробно описывающем бедствия страны во времена гибели Старого царства, мудрец обвиняет царя в беспомощности, в том, что своей бездеятельностью он сам вызвал все несчастья (XIII, I). Тем самым Ипувер фактически объясняет наиболее общую причину беспорядков — царь перестал выполнять функции организатора мироздания, и оно оказалось ввергнутым в хаос. Поэтому, рассказывая далее о будущем благоденствии страны, Ипувер вполне может ничего не говорить о пути его достижения — в негативном виде он уже был изложен выше. Необходимо восстановление порядка в мироздании, т. е. твердая власть, и это принципиальное разрешение кризиса, о конкретных же средствах в этих исторических условиях говорить еще рано.

В более позднем «Поучении гераклеопольского царя своему сыну Мерикара»²⁴ даются конкретные наставления по управлению страной в тяжелые времена раздробленности и усобиц, причем особенно важно то, что в отличие от остальных политических сочинений, носящих пропагандистский характер, этот текст, судя по всему, предназначался исключительно как руководство для молодого царя и поэтому честно передавал позиции автора. Автор же делает акцент на чисто административной, организаторской деятельности, основывающейся на приобретенной мудрости царя, — и это во времена войн и смут. Конечно, положение Гераклеопольского царства было таково, что реальный политик и не мог призывать к решительным насильственным действиям, но ведь героизм никак не связан с возможностью или невозможностью победы — он либо есть, и тогда есть в любых условиях, либо его нет вообще. В том же духе описываются добродетели царя и в «Повести о красноречивом жителе оазиса»²⁵ действие которой связано с гераклеопольским двором.

В «Пророчестве Неферти»²⁶, рассказывающем об утверждении новой династии, распространяющей всю власть на весь Египет и начинающей Среднее царство, царь-объединитель Амени выглядит типичным культурным героем. Это тем более примечательно, что «Пророчество» было написано *post factum* человеком, прекрасно знавшим, как происходил в реальности процесс объединения страны, и раз автор начисто исключил прославление военных успехов основателя династии, значит, основным в его образе является именно функция организатора. Наконец, «Поучение Аменемхета I»²⁷, написанное от лица того самого царя, который был выведен в «Пророчестве» под именем Амени, содержит уникальные для царских текстов рассуждения о том, что нельзя доверять ни одному человеку вокруг, просто невысказанные в устах героя, который не должен поддаваться неуверенности; правда, там же рассказывается о том, как отважно, в одиночку бился Аменемхет I с напавшими на него заговорщиками, но борьба за спасение собственной жизни не имеет ничего общего с героизмом как системой поведения, и к тому же никакой оценки этой отваги автор не дает.

Итак, мы незаметно перешли к свидетельствам Среднего царства. Эта эпоха, несмотря на стремление царей и знати ориентироваться на древность, в действительности весьма отличалась от староегипетского периода. Прежде всего, номы сохранили гораздо большую, чем тогда, самостоя-

²³ Gardiner A. H. *The Admonitions of an Egyptian Sage*. Lpz, 1909.

²⁴ Golénischeff W. *Les papyrus hiératiques №№ 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Imperial à St-Petersbourg*. Spb., 1913. Pl. 9—14.

²⁵ Gardiner A. H., Vogelsang F. *Die Klagen des Bauern*. Lpz, 1908.

²⁶ Golénischeff. *Op. cit.* Pl. 23—35.

²⁷ Helck W. *Der Text der «Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn»*. Wiesbaden, 1969.

тельность, так что уровень концентрации власти в руках царя снизился. Наряду с этим действовали и факторы чисто идеологического характера: новые цари были в определенном смысле неполноценны, ибо они уже не принадлежали к роду, восходившему к богам. Концепция, согласно которой царь божествен не только в силу наследования богам, но и благодаря своей индивидуальной природе, смягчала удар, но все же положение царя как бога несколько пошатнулось. К тому же еще в гераклеопольское время пришел конец его изоляции во дворце, и он впервые вышел в мир. В результате функции царя как священного правителя оказались несколько ослабленными и потребовалась их компенсация. Форму ее определила сама жизнь.

Еще в I Переходном периоде цари встают во главе войска, и эта традиция сохраняется и в Среднем царстве. Появляются победные надписи, в которых большое место отводится воинской доблести царя, описываемой в самых трескучих выражениях. Разумеется, в значительной степени это всего лишь риторика, но все же появление образа царя, который любит сражение, ликует, убивая врага, радуется при виде крови, говорит о совершенно новом явлении — его героизации. Она вторична, вынужденна, не связана с древним пониманием царя и, вероятно, зачастую не очень соответствует действительности; более того, до конца она не выдерживается. Интересно, как Сенусерт III, крупнейший воитель эпохи, в своих надписях сам нарушает образ героя. Рассказав в текстах на стелах из Семны и с острова Уропарты²⁸ о победах над нубийцами и расписав свои доблести, он тут же снижает пафос победы, заявляя, что нубийцы трусливы и не сильны. И все же эта пусть даже непоследовательная героизация создает основу для дальнейшего развития в Новом царстве.

Перейдем теперь от царей к их подданным. Казалось бы, в I Переходном периоде, в атмосфере усобиц на передний план должны были выступить воинские доблести и должен был возродиться архаический идеал героя. Этого, однако, не происходит — слишком сильным был импульс, данный Старым царством, слишком яркой была память о величии объединенного Египта, не нуждавшегося в герое, чтобы полтора века смут могли серьезно пошатнуть прежнюю систему ценностей.

Весьма показательны в этом отношении автобиографии номархов, особенно большие сиутские надписи, в которых военные победы описываются не как нечто самоценное, а лишь как средство достижения порядка и процветания. Номарх Теф-иб²⁹, подробно рассказав о жизненно важной победе над своими южными соседями, заключает, что в результате расцвели храмы и стали приноситься жертвы богам. Его сын Хети спас во время войны своего господина, гераклеопольского царя Мерикара, и в целостности доставил его в столицу, однако основное место в автобиографии номарха³⁰ отводится не этому эпизоду, а строительству храма городского бога и благоденствию Сиута. Итак, даже в эпоху раздробленности, дававшую неограниченные возможности для проявления ратной доблести, героев в Египте все-таки нет, а фигурой номер один, как и в былые времена, остается мудрый администратор.

Единственное за первое тысячелетие истории египетского государства свидетельство об отважном поступке, в котором совершивший его

²⁸ *Lepsius R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. 2. Abt., B., 1850. Bl. 136h; Budge E. A. W. The Egyptian Sudan. V. I. L., 1907. Pl. opposite. p. 491.*

²⁹ *Griffith F. Ll. The Inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh. L., 1889. Pl. 11; Brunner H. Die Texte aus dem Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut. Glückstandt—Hamburg — New York, 1937. S. 47.*

³⁰ *Griffith. Op. cit. Pl. 13, 14, 20; Brunner. Op. cit. S. 52—63.*

человек видит самостоятельное значение, а не просто хорошо выполненную работу, — надпись в Абиско, оставленная нубийским воином Чехмау, служившим фиванскому царю XI дин. Ментухотепу Небхепетра ³¹. Во время сражения с азиатами войско фиванцев было обращено в бегство; один лишь Чехмау смело встретил врага ³² и тем самым переломил в пользу египтян исход всей битвы. Уникальность этого свидетельства не покажется нам чем-то странным, если мы будем учитывать, что Чехмау, несмотря на службу в египетской армии, все же оставался нубийцем, носителем ценностей родового общества, признающего, в отличие от Египта, героизм одним из основных достоинств человека.

В Среднем царстве восстановившийся бюрократический порядок воспроизводит систему ценностей чиновничества, в целом аналогичную староегипетской. Первые места в ней занимают добросовестная служба царю, карьера и проистекающие из нее жизненные блага. В афористическом виде эту мудрость сформулировал автор политического трактата, известного нам в основном по списку на стеле Схетепибра ³³: «Ишиа — это царь».

Среднее царство ознаменовано гораздо большей, чем прежде, военной и хозяйственной активностью за пределами Египта. Однако, насколько можно судить по подписям воинских начальников, отношение к войне как к работе всецело сохраняется. Так, например ³⁴, Хусебек-Джаа в сражении захватил в плен азиата, причем он так рвался в бой, что предоставил разоружать поверженного врага двум своим людям. Поступок отважный, тем более что Хусебек в одиночку справился с противником, удержать которого могут лишь двое ³⁵, однако для самого победителя гораздо важнее царская награда за него — оружие пленника. Что может быть противнее самому духу героизма с его культом оружия, чем получение оружия побежденного из рук своего господина?

Такое же отношение к службе и у начальников многочисленных экспедиций. Хотя в их надписях иногда и упоминаются преодоленные трудности, делается это не для описания борьбы с ними, а только для того, чтобы подчеркнуть хорошее выполнение задания. Примеры можно умножать, но вспомним в конце концов «Сказку о потерпевшем кораблекрушение» ³⁶, где дальнейшее морское плавание, невероятное спасение с погибшего корабля и чудеса волшебного острова меркнут перед благоволением царя, назначающего персонажа сказки на более высокую должность и жалующего его многочисленной челядью.

Для того, чтобы стать героем, египтянину нужно вырваться из системы социальных связей, определяющих всю его жизнь, а возможно это только в одном случае — если он перестанет быть египтянином и включится в иную систему ценностей. Единственный известный случай такого полного перерождения описан в «Повести о Синухете» ³⁷. Царский приближен-

³¹ Weigall A. A Report on the Antiquities of Lower Nubia. Oxf., 1907. Pl. 19; Roeder G. Debdod bis Bab Kalabsche. Bd I—II. Le Caire, 1911. Taf. 107. № 1.

³² Впервые этот пассаж объяснил Ж. Позенер: Posener G. A propos des graffiti d'Abisko // Arch. Or. 1952. V. 20. P. 163. Not. 3. Теперь см. также Schenkel W. Memphis — Herakleopolis — Theben. Die epigraphischen Zeugnisse der 7.—11. Dynastie Ägyptens. Wiesbaden, 1965. S. 274—275. № 455.

³³ Lange H. O., Schäfer H. Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo. Theil 4. B., 1902. Taf. 40; Theil 2. B., 1908. S. 145—150.

³⁴ Gartstang J. El-Arābah. L., 1901. Pl. 4—5.

³⁵ Впервые внимание на содержащийся в надписи Хусебека мотив похвальбы силой обратил Дж. Г. Брэдстед: Breasted J. H. Ancient Records of Egypt. V 1. Chicago, 1906. P. 305. Not. a.

³⁶ Golénischeff. Op. cit. Pl. 1—8.

³⁷ Gardiner A. H. Die Erzählung des Sinuhe und die Hirtengeschichte. Lpz., 1909.

ный Синухет, опасаясь преследований по политическим мотивам, бежит в Сирию и, поскольку возвращение в Египет представляется ему невозможным, начинает новую жизнь в полном соответствии с нормами и обычаями общества, стоящего на родовой стадии развития. И происходит чудо — прежний сверхосторожный царедворец превращается в отважного предводителя племени, настолько хорошо вписывающегося в образ жизни азиатов, что местный правитель даже ставит его над своими сыновьями. По существу же никакого чуда нет: просто за пределами Египта существуют условия для реализации личных качеств мужественного человека и есть общество, почитающее эти качества.

Сцена битвы Синухета с местным богатырем, пришедшим оспорить его первенство, — единственный героический эпизод во всей классической египетской литературе. В полном соответствии с кодексом чести героя Синухет заявляет, что «если захочет бык биться, захочет ли (другой) храбрый бык отступить из страха перед равным себе» (В, сткк. 123—124), — и в дальнейшем ведет себя соответственно. Пьючо перед боем от любовно подготавливает оружие (В, сткк. 127—129) (мотив, характерный для описания действий героя) и наутро побеждает богатыря, причем добывает противника его же собственным топором (В, стк. 140) (также героический мотив, близкий, как отметил Б. А. Тураев³⁸, к описанию победы Давида над Голиафом, I Цар. 17, 19).

Однако с Синухетом происходит и второе превращение. В зените славы он получает милостивое приглашение царя возвратиться в Египет и, поскольку это дает ему гарантию столь важного для всякого египтянина погребения на родине, он ликует и сразу же бросает завоеванное положение, богатство и семью. Удивительно, однако, как легко и охотно он включается в египетскую систему подчинения, где его место в корне отлично от того, к которому он должен был привыкнуть за десятилетия на чужбине, — ведь он из независимого вождя снова превращается в пусть почитаемого и хорошо обеспеченного, но все же слугу. Герой бесследно исчезает, и объяснить эту метаморфозу одними религиозными мотивами невозможно — видимо, с рождения воспитываемая привычка к подчинению и стремление быть частью целого под названием «египетское государство» настолько входят в плоть и кровь египтянина, что искоренить их не может даже подлинная свобода³⁹.

Ослабление и распад Египта Среднего царства повели к захвату севера страны кочевниками-гиксосами. Последующее объединение происходило под знаменем их изгнания, что и предопределило военный характер египетской державы Нового царства. В эту эпоху Египет впервые нарушает свою тысячелетнюю изоляцию и раскрывается в окружающий мир. Почти непрерывные широкомасштабные войны, не имевшие аналогий в прошлом, качественно изменяют характер всей его культуры. Царь превращается в типичного военного предводителя и в значительной степени утрачивает свои черты священного правителя, бога-организатора: в тео-

³⁸ Тураев Б. А. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915. С. 25. Ц. ям. 4.

³⁹ Примечательно, что «Повесть о Синухете», пользовавшаяся огромной популярностью, — вероятно, именно потому, что, будучи уникальным в показе свободного человека произведением, она описывала поразившую воображение египтян экзотическую ситуацию — личность вне единственно естественного для них общественного порядка. И все же второе превращение Синухета явно доказывает, что египетский порядок настолько лучше всего на свете, что к нему нужно возвращаться любой ценой (ср. со «Сказкой о потерпевшем кораблекрушение»).

рии все его божеские свойства остаются неизменными, на деле же функции поддержания миропорядка все больше и больше переходят к жречеству, становящемуся, в отличие от древности замкнутой кастой. В этих условиях царская власть, приспособляющаяся к совершенно новым условиям, нуждается в некоторой идеологической компенсации отчасти утраченного ореола святости. В качестве такой компенсации используется героизация царя, зародившаяся еще в Среднем царстве, а теперь чрезвычайно усилившаяся.

Весьма героизирован уже образ первого фиванского царя, достигшего успехов в борьбе с гиксосами, — Камоса⁴⁰. Судя по всему, в его времена положение Фив было достаточно стабильным и безопасным, так что война не была настоятельной необходимостью — во всяком случае, его приближенные были вполне довольны своей жизнью и не желали никаких перемен. Камос начинает борьбу вопреки их воле, аргументируя это чисто героически: «Хотел бы я знать, на что (мне) моя сила, если один правитель в Аварисе⁴¹, другой в Куше⁴², (и) я сижу повязанным с азиатом и негром, которые делают со мной страну, — каждый в своей части Египта».

Со временем тенденция к героизации усиливается. Особенно показательно, как изображает себя в своих надписях Аменхотеп II, самый яростный и жестокий из царей XVIII дин. Он могучий и непобедимый воин, его лук не может натянуть ни один человек, выпущенная им стрела пробивает насквозь медную мишень и падает на землю, что не по силам ни одному воину, кони, запряженные в его колесницу, никогда не устают⁴³. В первом же своем сражении в Палестине он захватывает 18 (вар.: 35) пленных и скот, на следующий день в одиночку нападает на вражеские колесницы и убивает их предводителя, через некоторое время также в одиночку совершает налет на войско противника, убивает 20 человек и 16 берет в плен⁴⁴ и т. д. Такая ничем не сдерживаемая слепая ярость, толкающая на совершение подвигов, без которых, если иметь в виду общий ход войны, вполне можно было обойтись, в высшей степени характерна для героя. Уступая Аменхотепу II в этой иступленности, другие цари Нового царства в целом ориентировались на тот же самый образец. Однако особенно интересны два героических эпизода, связанные с именами Тутмоса III и Рамсеса II.

Первый из них описан в *Анналах* 23 года Тутмоса III⁴⁵. Ближится первое крупное сражение в жизни этого энергичного царя, который прежде два десятилетия своего номинального правления провел в вынужденном бездействии, будучи лишенным реальной власти своей теткой Хатшепсут. Противник недалеко, возле города Мегиддо, но от него египетское войско отделено горным хребтом. Прямой путь к Мегиддо — узкая тропа через горы, по которой войско может передвигаться лишь гуськом; две другие дороги удобнее, но они идут в обход. На военном совете приближенные рекомендуют Тутмосу двигаться более безопасными обходными путями, но рвущийся в бой царь выбирает прямую тропу, аргументируя это тем, что иначе враги сочтут, будто он их боится, а всем прочим предлагает, если они хотят, двигаться в обход. Тутмос сам встает во главе армии, которая, конечно, пошла за ним в полном составе, и ведет ее, указывая до-

⁴⁰ Gardiner A. H. The Defeat of the Hyksos by Kamōse // JEA. V. 3. Pl. 12—13.

⁴¹ Гиксосский царь.

⁴² Правитель объединения нубийских племен.

⁴³ Urk. IV. S. 1279—1281.

⁴⁴ Urk. IV. S. 1301—1304, 1310—1314.

⁴⁵ Urk. IV. S. 649—652.

рогу. Тем самым он обрекает себя на верную гибель в случае, если неприятель атакует его во время движения и, чрезмерно растягивая свое войско, ставит его в крайне невыгодное положение. Это в чистом виде нерасчетливый поступок героя, не преследующий никаких стратегических или тактических выгод; характерно, что, миновав горы, Тутмос даже не пытается использовать внезапность появления возле противника и спокойно поджидает отставшую часть армии — свое самолюбие он уже в досталь потешил, спешить теперь незачем. В высшей степени характерно, что в Анналах этот эпизод подается как замечательное проявление доблести царя,

Если Тутмосу III повезло и геройствование его осталось безнаказанным, то Рамсеса II в битве с хеттами под Кадешем такое безрассудство привело к катастрофе⁴⁶. Всецело полагаясь на удачно подкинутую ему дезинформацию противника, согласно которой хеттских войск возле Кадеша нет, Рамсес во главе одного из подразделений своей армии, не дожидаясь подхода трех остальных, бросается к городу, чтобы поскорее осадить его, хотя никакого смысла в такой спешке нет. Разбитое мощным ударом притаившихся до времени хеттов, это подразделение бежит, и Рамсес с горсткой телохранителей оказывается окруженным двумя с половиной тысячами вражеских колесниц. И как раньше героическая самоотдачность завела его в ловушку, так теперь только мужество и твердость героя спасают его. Рамсес сражается с отменной отвагой, крушит вокруг себя ошеломленных врагов, что позволяет ему продержаться до подхода подкрепления, и после многих безуспешных попыток все-таки прорывает окружение.

Итак, степень героизации царя в Новом царстве очень велика⁴⁷. И все же это явление, очень далекое от подлинной героики, которая, чтобы оказывать заметное влияние на общество, должна быть распространена весьма широко. В Египте героизирован только царь, а его подданные, как мы увидим, — никогда; в стране в каждый момент может быть только один герой. Этим объясняется непрочность новоегипетской героизации, которая стала быстро сходить на нет, как только военная мощь государства пошатнулась. Мернептах и Рамсес III, отразившие натиск ливийцев и «народов моря», угрожавший самому существованию страны, вполне подходят на роль героев, но на деле героизированы они незначительно, хотя громкая риторика в их надписях, конечно, сохраняется. С последующим ослаблением государственности при Рамессидах героизация как способ утверждения авторитета царя утрачивает всякое значение.

В войны Нового царства оказались вовлеченными огромные людские массы, многие проводили в походах большую часть своей жизни. И все же армия не стала до конца профессиональной, замкнутой организацией, в которой складывается свой собственный кодекс чести. Поэтому и в армейской среде представление о героическом так и не оформилось. Еще Камос⁴⁸ сравнивал своих солдат с огненным ветром и со львами, однако приглядимся к этим львам повнимательнее. Камос говорит: «Мои войны были подобны львам, (кидающимся) на свою добычу — людей, скот, сало, мед, — (и) делящим свои трофеи (букв.: вещи) с радостными сердцами». Итак, основным побуждением воинства является захват добычи, грабеж. Конечно, герой всегда не прочь пограбить, но это для него не самое глав-

⁴⁶ Сводку текстов см. Kuentz Ch. La bataille de Kadesh // MIFAO. 1928. T. 55.

⁴⁷ Впрочем, и она не абсолютна. И Тутмос III, и Аменхотеп II, и Рамсес II особенно геройствуют в первых своих походах, а в дальнейшем успокаиваются — они уже не безрассудствуют, а тексты их становятся более бесстрастными.

⁴⁸ Gardiner. The Defeat ... Pl. 12—13.

ное, — а ведь в тексте Камоса речь идет о таком славном событии, как начало объединения страны и освобождения ее от гиксосов.

Автобиографические надписи военачальников и воинов, которых от Нового царства дошло немало, всецело продолжают предшествующую традицию. Начальник гребцов Яхмос⁴⁹ в молодости еще как рядовой участвовал в осаде и взятии столицы гиксосов Авариса, но в его надписи нет и следа вполне естественной в этих обстоятельствах гордости освободителя родины. В дальнейшем он принимал участие в подавлении мятежей в Египте и в азиатских и нубийских походах нескольких царей, так что за свою жизнь он немало отличился — взял многих пленных, добыл «языка», для чего ему пришлось подплыть к противнику под водой, захватил колесницу с воином и т. д. Из таких эпизодов, приводимых без каких-либо оценок, состоит вся его надпись, причем после каждого сообщается о царской награде за содеянное, которая сама по себе и является единственно нужной формой признания⁵⁰. В конце надписи Яхмос подводит итог своему жизненному пути — он состоит в том, что ему удалось на свои средства соорудить гробницу, — а затем еще раз перечисляет все полученные награды в общем списке. Примерно так же строит свою надпись⁵¹ другой храбрый вояка, Яхмос-пен-нехбит — после рассказа о своей долгой воинской службе он приводит список наград, полученных от каждого царя, начиная с Яхмоса и кончая Тутмосом II. Еще более выдающиеся поступки совершил во время походов Тутмоса III воин Аменемхеб⁵² — переплыв через Евфрат, взял нескольких «языков» и вернулся с ними назад, на охоте спас царя от разъяренного слона, отрубив ему хобот, первым ворвался в брешь в стене осажденного Кадеша и т. д. Но и в его автобиографии каждый из этих славных эпизодов сопровождается списком наград, которые для Аменемхеба явно важнее самих поступков.

Конечно, воины наверняка с гордостью рассказывали друг другу байки о своей отваге, похвалялись удачными ударами, хвастались силой (иначе просто и быть не могло, ведь они все-таки были вполне нормальными живыми людьми), но характерно, что это не считалось достоинствами, которые стоит как-то акцентировать. У мирных жителей Египта воины, сражавшиеся за пределами страны, также не вызвали восхищения; более того, к ним относились весьма иронично. Это хорошо отразилось в школьных поучениях, противопоставляющих сытую и спокойную работу писца всем прочим профессиям, изображаемым в крайне неприглядном свете. Среди этих последних и служба воина, который всю жизнь подвергается побоям начальства, переносит тяготы походов, не имеет хорошей еды и, наконец, возвращается домой инвалидом (P. Lansing, 9, 4 — 10, 10⁵³; P. Anastasi III, 5, 5 — 6, 2⁵⁴ = P. Anastasi IV, 9, 4—

⁴⁹ Urk. IV. S. 1—11.

⁵⁰ Характерно, что за пленение прагов Яхмос получал их в награду как рабов, однако однажды за двух мужчин ему были даны две женщины (сткк. 18—19), а однажды за двух лучников — пять человек (сткк. 21—22). Таким образом, по крайней мере иногда воину давались в рабство не захваченные им люди, а другие пленные; тем самым награда обезличивалась, утрачивала непосредственную связь с содержанием поощряемого поступка и превращалась просто в плату за хорошую работу. Не приходится говорить что такое перераспределение не имеет ничего общего с практикой обществ, ориентированных на героизм.

⁵¹ Urk. IV. S. 32—39.

⁵² Urk. IV. S. 889—897.

⁵³ Budge E. A. W. Facsimiles of Egyptian Hieratic Papyri in the British Museum 2 Series. L., 1923. Pl. 23—24.

⁵⁴ Gardiner A. H. Late Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1926. P. 26.

10, 1⁵⁵ = P. Chester Beatty IV, vs., 5, 6—6, 1⁵⁶ = P. Chester Beatty V, rt., 7, 4 — 7, 7⁵⁷; ср. также P. Sallier I, 3, 5 — 3, 11⁵⁸ = P. Anastasi V, 10, 3 — 11, 6⁵⁹ = P. Chester Beatty V, rt., 5, 5 — 5, 9⁶⁰). Разумеется, здесь сказывается извечное интеллигентское презрение к армии, усиливается дидактической направленностью школьных текстов, в которых иногда намеренно придумываются унижительные для воинов эпизоды (P. Anastasi III, 6, 2 — 6, 10⁶¹), но все же, чтобы во времена экспансии такие настроения были распространены, в обществе должна существовать совершенно определенная атмосфера.

И такая атмосфера действительно существовала. Пожалуй, особенно хорошо она проявляется в огромной роли, которую играет в Новом царстве суд, пронизывающий все стороны жизни. Обществу со столь развитыми правовыми отношениями герой не только не нужен, но и опасен, ибо он обязательно нарушает равновесие, поддерживаемое законом. В высшей степени интересно, как такое положение отражается в мифологии.

Сюжет записанного как раз во времена Нового царства текста, посвященного борьбе Хора и Сета за наследство Осириса⁶², как нельзя лучше, казалось бы, подходит для героического мифа. Однако на героика в нем нет и намека. Хотя персонажи и сражаются между собой, они полагаются не на силу, а на разного рода магические уловки; вопрос же о судьбе саиа Осириса определяется не победой одной из сторон, а решением наблюдающей за борьбой Девятки богов. Такая поразительная бюрократизация мифа служит прекрасной иллюстрацией египетской системы ценностей этого периода.

III

Бурная эпоха Нового Царства истощила египетское государство. После Рамсеса III институт царской власти начинает ослабевать. Развивается конфликт между царской администрацией и фиванским жречеством, который приводит к тому, что на 9-м году правления Рамсеса XI верховный жрец Амона Херихор объявляет начало новой эры в истории страны, основанной на принципиально новом понимании власти. Если в эпоху Нового Царства многие действия царя, а иногда и само его назначение предопределялось оракулом Амона, то теперь этот принцип доводился до логического завершения: субъектом власти в идеале провозглашался Амон, Херихор, как верховный жрец становился его наместником, фактически управляющим страной. Была поправа даже сама божественность царской власти.

На последующую XXI танисскую династию это событие оказывает весьма ошутимое влияние, так что ее цари едва ли не все важные решения передоверяют фиванскому оракулу. Такое огромное значение «града Амона» приводит в царствование Псусенеса I к тому, что правитель Фив Пенеджем фактически достигает равного с царским положения, и разделение власти в стране обретает вполне определенные географические очертания. Власть

⁵⁵ Ibid. P. 44—45.

⁵⁶ Gardiner A. H. Hieratic Papyri in the British Museum. 3 Series. Chester Beatty Gift. V. II. Plates. L., 1935. Pl. 20.

⁵⁷ Ibid. Pl. 25.

⁵⁸ Gardiner. Late Egyptian Miscellanies. P. 79.

⁵⁹ Ibid. P. 60—61.

⁶⁰ Gardiner. Hieratic Papyri... Pl. 24.

⁶¹ Idem. Late Egyptian Miscellanies. P. 27.

⁶² Idem. The Chester Beatty Papyri. № 1. L., 1931.

царя сосредотачивается в Дельте, а власть божья обосновывается в Фиваиде.

Эта тенденция продолжается и при XXII ливийской династии, но теперь девальвация царской власти переходит допустимый предел и приводит к такой нестабильности, что при Шешонке III в Дельте происходит раскол на две династии (XXII и XXIII), а после смерти Шешонка V во всем Египте оказывается одновременно четыре царя: Осоркон IV, Иупут II (в Дельте) и Пэф-чау-ауи-баст, Ламенту (в Верхнем Египте).

В ливийское время размежевание между Дельтой и Верхним Египтом вступает в новую фазу. Политические процессы в Дельте, иногда называемые «ливийской анархией», обособляют Нижний Египет фактически как отдельную страну, что находит отражение и в Библии (например, Мицраим, Патерос, Куш — Ис. XI, II). Когда у границ Египта появляется новая сила — эфиопские цари, Фивы довольно быстро признают их. В лице эфиопа Пийе Фивы получают номинального царя с огромной властью, направленной в пользу культа Амона. Однако влияние Фив распространялось не на всю Дельту, а лишь на ее часть; с эфиопами сосуществуют некоторое время цари-эпигоны XXII—XXIII династий и коалиция удельных владетелей центральной и северо-восточной областей. «Ливийская анархия», явившаяся результатом действий мелких удельных владетелей, оторванных от традиционного уклада политической жизни Египта, сохраняет себя как политическую систему на протяжении всей XXV династии, что приводит к дальнейшему разобщению Верхнего и Нижнего Египта. Особой остроты конфликт между ливийцами и администрацией XXV династии достигает во втором десятилетии правления Тахарки. В конце концов неэффективность контроля этого царя над ливийскими владетелями приводит к поражению Египта при столкновении с Ассирией.

В эпоху борьбы царей XXV династии и ассирийцев за Египет в Дельте складываются новые политические условия. Эта часть страны окончательно распадается на уделы, управляемые военными вождями, выполнявшими на местах некоторые царские функции. Ассирийцы поддерживают этот режим многоцарствия, однако он оказывается нестабильным и приводит к двухлетней смуте (вероятно, при эфиопе Танутамоне).

Результатом победы Ассирии и окончательного ухода эфиопов в Нижнем Египте оказывается полный политический вакуум, так что настоящей задачей становится создание новых структур власти. Разрешает ее совершенно особый режим, основанный на равновесии сил удельных владетелей Дельты, названный античными авторами правлением двенадцати царей, додекархией, которая длилась, согласно Диодору, 15 лет (Diod. I.66). Затем одному из додекархов, Псамметиху, удается постепенно захватить власть над всей страной и начать отсчет новой эры (XXVI саисская династия), ставшей ненадолго временем необычного расцвета Египта.

Период от последних лет правления Тахарки и до первых лет Псамметиха I не только создал необычные политические образования в египетском обществе, но и весьма серьезно изменил ценностные ориентации у новых социальных слоев. Судить об этом мы можем, рассматривая две основные группы источников, дошедших до нас от этого периода. Одну из них составляют памятники удельных владетелей (стелы дарений, надписи на статуях, амулетах и др.). К другой группе следует отнести уникальные демотические рукописи, содержащие ряд эпических произведений, совокупно называемых «Сказаниями о фараоне Петубасте».

Следует сразу же оговориться, что к первой группе относятся источники, ставшие уже традиционным объектом исторического исследования. Однако большинство их, за исключением разве что царских надписей,

служило обеспечению культа владельцев и, следовательно, должно было быть составлено в традиционных терминах, свойственных обычному укладу египетской жизни. Более того, в силу незначительности той роли, которую играли ливийские владетели, их памятники, как правило, весьма скупы на информацию о частностях жизненной карьеры. Поэтому на этом материале проследить изменения в ценностной ориентации ливийских удельных владетелей практически невозможно.

Вторая категория источников долгое время не использовалась для изучения поздней истории Египта. Привычка египтологов опираться преимущественно на документы, имеющие непосредственное отношение к политической истории, и некоторое невнимание к свидетельствам более опосредованным привели к тому, что Венская и Страсбургская рукописи «Сказаний о фараоне Петубасте» получили пренебрежительное наименование «литературщины» и надолго были оставлены в тени. К сожалению, цели нашей работы не позволяют уделить должное внимание проблеме историчности упомянутых демотических текстов, так что нам остается лишь кратко изложить свою позицию по отношению к этим источникам. У нас есть все основания полагать, что текст «Сказаний» историчен по крайней мере в том смысле, что в нем нашла отражение новая для Египта система ценностных ориентаций, свойственная мелким удельным владетелям Дельты в период краха эфиопской династии, ассирийских походов и становления саусской династии. В условиях внутренней нестабильности, распри и завоеваний не могло быть и речи о социальной защищенности, с одной стороны, и о социальном контроле, с другой. Если герою было суждено появиться в египетском обществе, то более подходящий момент для этого едва ли был возможен.

Вкратце содержание Венской ⁶³ рукописи, описывающей более ранние события, чем Страсбургская ⁶⁴, заключается в следующем.

В Дельте происходит некое столкновение, в котором участвуют военачальник Урдамане и владетель Инар. Но не совсем понятной причине исход событий не удовлетворяет богов, и они решают устроить распрю между Пему младшим из Гедпополя и Урдамане. Повод к расправе — кража нагрудника Инара, якобы совершенная Урдамане. Первоначально стороны прибегают к посредничеству царя Петубаста, но его решение задевает воинскую гордость Пему. Каждый из героев обращается за помощью к главам враждующих кланов Дельты. У озера Газели происходит решающее сражение, в котором победу клану Инара приносят воины из Мероэ и Сирии. Распра завершается победой неких «людей Востока», что и удостоверяется цавекн царской стелой.

В историческом плане описываемая распра должна, по-видимому, соответствовать столкновениям ливийских удельных владетелей с последним эфиопским правителем Египта Танутамоном ⁶⁵, но это серьезное и грозное историческое событие представлено в виде мелкой распри, в которую из-за интриг соперничающих сторон втягивается вся страна. Далее из текста мы узнаем, что помимо этого в Дельте идет и множество других усобиц, которые, вероятно, представляют собой форму общественного существования удельных владетелей. В данном отрывке ⁶⁶ текст Венской рукописи «Сказаний» весьма созвучен словам пророка Исайи о Египте: «Я вооружу

⁶³ Breschiani E. Der Kampf um den Panzer des Inaros (Papyrus Krall). Wien, 1964 (MPON. Neue Serie. 8).

⁶⁴ Spiegelberg W. Sagenkreis des Königs Petubastis. Lpz, 1910 (DS. Ht 3).

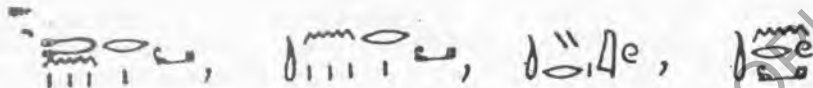
⁶⁵ Отождествлением Урдамане с Танутамоном автор обязан О. Д. Берлеву.

⁶⁶ Breschiani. Der Kampf. ... IX. 10—11.

Египтян против Египтян, — и будут сражаться брат против брата, друг против друга, город с городом, царство с царством» (Ис. XIX.2).

Удивительная особенность текста «Сказания», интересующая нас в первую очередь, — весьма частое описание поединков, что совершенно не характерно для египетской литературы. Тема война-героя пронизывает все произведение, причем он представлен таким образом, что очень напоминает персонажей из эпосов различных индоевропейских народов, например гомеровской «Илиады». Но если существуют образы героев, то нельзя ли найти в тексте египетский эквивалент греческому ἥρως.

Памятники Нового Царства засвидетельствовали появление в лексиконе египетского языка нового слова, значение которого семантически сближается с понятиями «герой» и «героический». Речь идет о лексеме t1/t1, передаваемой следующими сочетаниями знаков:

Слово как будто не встречается ранее XIX династии⁶⁷, его фонетический облик и формы написаний оставляют место для предположений о неегипетской природе основы. Большей частью слово встречается в текстах царских памятников и служит для описания действий царя, в качестве эпитета к его доблестям. Берлинский словарь фиксирует следующие значения: «сильный, крепкий, ревностный» (Wb. V.382.6—7), что в клинописных текстах передается через karradu (Wb. V.382.15). Авторы «Словаря» полагали, что в текстах Рамессеума и Мединет Абу t1 употребляется субстантивированно в значении «герой» (Wb. V.383.12), но эти примеры являются частным случаем. Нет оснований полагать, что семантика «герой», закрепилась окончательно, вошла в языковую норму.

Однако история лексемы t1 не ограничивается текстами XIX—XX династий. Мы обнаруживаем ее и в рукописи «Сказаний о фараоне Петубасте». В связанном отрывке текста (Венская рукопись сильно разрушена) слово t1 встречается всего два раза, при описании дружины Пему младшего. В строке VI/9 мы находим: «сорок героев, детей бога»⁶⁸. Для литературной версии перевода это, вероятно, вполне удовлетворительно, но каково реальное содержание термина t1 в данном тексте?

Дело в том, что персонажи в строке VI/9 совершенно безлики, лишены индивидуальности; они всего лишь воины своего набольшего, поступки которого действительно представлены в героическом свете. Более того, ни один из персонажей «Сказания», который совершает героические поступки, не обозначен словом t1. Мы неизбежно приходим к выводу, что данный термин не обозначает героя, которого мы ищем. Таким образом, обнаружить особый термин, который в египетском языке обозначал бы героя, нам не удастся.

И вместе с тем в тексте Венской рукописи выведены несколько персонажей, поступки которых прекрасно соответствуют представлениям о воинственном герое. Наиболее яркие из них — Петехонс и Пему — появляются также и в Страсбургской рукописи «Сказаний». Сразу следует оговориться, что многие из центральных персонажей сказаний являются историческими лицами, которые известны по памятникам или из исторических текстов, заслуживающих безусловного доверия. Таковы фараон Петубаст, владельцы

⁶⁷ Wb. V. 382. 6 ff.; Wb. Belegstellen. Bd. V. 57, links.

⁶⁸ Breschiani. Der Kampf... S. 35, 87, 180.

Пекрур, Анх-хор, сын Нехка; Тахос, сын Анх-хора; Анх-хор, сын Хэлбеса, и другие. Присутствуют также и исторические фигуры первой величины, такие, как эфиопский царь Урдамане (Танутамо) и ассирийский царь Аслаштени (Ассархаддон). И тем более удивительно, что никаких достоверных следов одного из главных персонажей «Сказаний», Пему младшего, обнаружить не удается⁶⁹.

Это обстоятельство легко было бы объяснить вымысленностью данного действующего лица, но не исключено и то, что именно незначительность Пему как владельца сделала его «невидимым» для современных историков. В любом случае мы сталкиваемся с поразительной ситуацией: авторы «Сказаний» видят «героя своего времени» в среде лиц, которые представляются нам исторически малозначимыми. Напротив, в Страсбургской рукописи Петехонс и Пему играют едва ли не самые значительные роли в избавлении фараона Петубаста от козней тринадцати азиатов (XI.3—6), да и скрытый смысл данного отрывка состоит в изображении борьбы за власть над всем Египтом. Представая в образе героев, Пему и Петехонс названы *n' hm-hl.w* (XI.9), что обычно переводится как «молодые люди». Несколько ниже в тексте наши персонажи названы *n' gmt knkn* (XI.16), буквально «люди битвы» (особая категория профессиональных воинов, принципиально отличная от ополчения *ms'*, составлявшая, вероятно, основу дружин удельных владетелей). Поскольку молодость вообще свойственна воинам, то оба обозначения «молодые люди» и «люди битвы», казалось бы, прекрасно соответствуют друг другу. Однако термин *hm-hl* обладает и совершенно определенным социальным звучанием, которое, насколько нам известно, раньше не отмечалось.

В демотической литературе хорошо известен персонаж, которого часто называют *hm-hl n w'b*⁷⁰. Это, как правило, молодой человек, который в силу тех или иных причин не может найти своего места в обществе и пытается обрести место жреца в храме, которое бы доставило ему средства к жизни и, главное, обеспечило бы ему определенное положение в его социальной группе. Одной из важнейших общественных ценностей в Египте всегда было положение в системе социальной занятости; *hm-hl n w'b* — это и есть человек, по молодости лет еще не включившийся в эту систему.

Итак, перед нами еще один парадокс. Пему и Петехонсу явно от дано предочтение в «Сказаниях», но эти персонажи стоят вне системы традиционных египетских социальных ценностей. И надо сразу оговориться, что эта их позиция вполне сознательна. Следовательно, мы вправе подозревать у них наличие некой системы ценностных ориентаций, которая отлична от традиционной для Египта.

Таким образом, поиски героя привели нас к необходимости анализа ценностей особой социальной группы мелких удельных владетелей, появившихся на исторической арене в Нижнем Египте в смутные времена ассирийских походов. Венская рукопись «Сказаний» представляет нам богатые возможности для этого. Разберем конкретный случай.

В один из моментов повествования фараон Петубаст, которого текст «Сказаний» представляет полновластным владыкой Египта, приказывает Пему младшему воздержаться от насилия, ибо это причинит вред всему

⁶⁹ Существует несколько памятников, несущих имя *P'-mj*, например Stela Serapeum IM 2705 (XXIV год Тахарки): *Malinin M., Posener G., Vercoutter J. Catalogue des stèles du Sérapéum de Memphis. P., 1968. P. 101—102, № 127.* Отождествление, однако, остается весьма проблематичным.

⁷⁰ *Erichsen. W. Eine neue demotische Erzählung. Mainz, 1956. S. 49—81.* В тот же ряд можно поставить и папирус Rylands IX, хотя сам Пересе прямо не назван *hm-hl n w'b*.

Египту, однако Пему не подчиняется, так как отказ от распри покроет его позором, который будет разнесен по всей стране. Военские силы самого Пему крайне невелики, всего сорок воинов, но тем эффектней выглядит его поступок. Ведь он вызывает на бой могущественного Урдамана и воинство четырех центральных номов Дельты (так называемых «тяжелых номов»), в буквальном смысле оставаясь один против огромных сил врагов.

Этот и многие другие эпизоды позволяют составить предварительное представление о ценностной ориентации той группы людей, которая готова была отдать свои симпатии представленному подобным образом герою: лучшая из доступных форм социального самовыражения — развязывание распри; распри не преследуют никакой практической цели, кроме названной выше, противник выбирается сколь угодно нереальный, много превосходящий по силе; традиционная социальная структура, по крайней мере институт царской власти, признается, но гораздо большее влияние имеет клановое деление общества⁷¹; герой несет ответственность не перед государственными институтами, а перед своим кланом, внутренние и внешние интересы страны умяляются перед кодексом поведения внутри клана; ослабевают ощущение себя как частицы единого народа, в ходу только обозначения по номам и городам: «танисцы», «мендесцы», «саисцы».

Мы никогда не встретим героя за исполнением административных обязанностей, за хозяйственной деятельностью, за устройством культа — мелкие удельные владетели совершенно выключены из сферы традиционной социальной активности. В мирное время мы застаем героя на пиру со своей дружиной, тоскующим по бранным делам. Судя по существованию особых помещений sb' n mtj, «места для воинских упражнений», владетели мирное время употребляли на совершенствование военного искусства. Вообще же картины мирной жизни в Венской рукописи скупы на краски и немногочисленны.

Среди личных качеств ценились дерзость (но далеко не бесстрашие), физическая сила. Особо значимо было также умение разрешать распри, организовывать силы внутри клана, устраивать воинские отряды для битвы.

Демотическая рукопись сохранила весьма пространные описания вооружения Пему и Пекрура. Обладание богатым оружием предпочиталось иным богатствам, было более престижным.

Что же касается самой распри, то ее описание сводится к изображению отдельных поединков. Перед нами встают образы не стратегов, руководящих сражением, а тщеславных воинов, ищущих себе противника повиднее. Воспеваются не многотрудные схватки, а отдельные, достойные восхищения удары.

Милосердие к поверженному врагу выступает далеко не как ценность первого порядка, но все же оно присутствует. Монт-бел при всей его жестокости говорит своему соратнику: «Не делай этого, брат мой, Пему, верни руку свою ... Человек — ведь это не тростник вовсе, который, если срезают его, вырастает другорядь». И все-таки насилие, а не мирное решение определяет систему ценностей египетского героя той поры.

Иными словами, политическая ситуация в Дельте в рассматриваемый

⁷¹ Следует отметить, что наличие кланов отражено только в «Сказаниях», документы эфиопских и ассирийских царей их не упоминают. Об упоминании клана на блоке JE № 43359 см.: *Jansen-Winkel K. Ägyptische Biographien der 22. und 23. Dynastie.* Wiesbaden, 1985. S. 230, 232, Anm. 6.

период удовлетворяла всем трем сформулированным в первой части работы условиям, совокупность которых порождает героя.

В Страсбургской рукописи, описывающей события хронологически более поздние, чем события Венской рукописи (по некоторым признакам первые относятся ко времени прихода к власти саисской династии), в оценках поступков персонажей намечается возврат к традиционным ценностям. «Героический период» уже шел к концу, во внутренней жизни страны обозначилась тенденция к стабилизации и переходу к традиционным по форме государственным основам. Очевидно, в соответствии с этим в тексте Страсбургской рукописи «Сказаний» появляется персонаж по имени Мин-неб-маат. Он — прямая противоположность вышеназванному Пему и Петехонсу, которые также присутствуют в этом «Сказании».

Мин-неб-маат не мелкий удельный владетель, а крупный администратор Юга страны: номарх (h'tj-') Элефантины, распорядитель Верхнего Египта (jmj-g' Sm'). Мотивы и характер его поступков можно представить следующим образом: Мин-неб-маат действует в интересах фараона и того Египта, который представляет Петубаст; он решается на поступки по собственному почину, как будто из соображений внутреннего долга; он не стяжатель, не требует ни славы, ни отличий, но награда из рук царя для него почетна; его поединок описан скорее как воинская служба, чем как геройский поступок; герой типа Пему воплощает собой дерзкий порыв, необдуманый, быть может неудачный. Напротив, Мин-неб-маат — олицетворение уравновешенности, силы, действующей наверняка, не нуждающейся в аффектах.

В связи с этим персонажем появляется новый настрой в «Сказании». Впервые звучат уничижительные слова в адрес «людей Севера», т. е. обитателей Дельты, и чувствуется уважение к могуществу Юга страны.

Однако Мин-неб-маат едва ли является историческим лицом, более того, его образ весьма искажен восприятием «людей Севера» — всех тех, кто создавал «Сказания». Нетрудно представить себе реального распорядителя Юга той самой поры, поскольку мы обладаем «биографическими» надписями крупнейшего политического деятеля, четвертого пророка Амона, великого номарха области Фив, распорядителя Юга Монтуемхата⁷², который, что весьма характерно, не введен как персонаж в повествование Страсбургской рукописи, хотя действие «Сказания» происходит на западном берегу Фив.

В системе ценностей Монтуемхата нет места даже намеку на героизм в том виде, как он понимался в Дельте. К сожалению, мы не имеем возможности прямо судить о жизненных ориентирах Монтуемхата, ибо его надписи оставлены на памятниках, призванных служить его культу. В силу этого обстоятельства акценты при описании карьеры смещены на те стороны жизни, которые должны были иметь пусть даже косвенное отношение к его культуре. Вместе с тем, будучи сыном своего времени, Монтуемхат особо контрастно выделяет такие свои поступки, ценность которых для Верхнего Египта в эту эпоху возросла многократно. Монтуемхат подчеркивает, что ему удалось сохранить в Верхнем Египте традиционный уклад жизни, обеспечивающий стабильность, дававший «хлеб голодному, воду жаждущему, одежду нагому». Именно благодаря административному рвению и мудрости удалось поддержать социальный мир, когда «большой и малый были умиротворены...», «земля была наводнена, (го-

⁷² Leclant J. Montouemhat. Quatrième prophète d'Amon, prince de la ville. Le Caire, 1961 (IFAO, t. 35).

рода) и номы были насыщены». Монтуемхат сравнивает себя не с каким либо хищником или разрушительной стихией, что свойственно героям, а с живительным Нилом в период разлива. Он — противник смут и насильственных выступлений, ведь в свое время он «изгонял смутьяна из номов Верховья». Люди, подобные Пему, несли разрушение тому миру, который Монтуемхат стремился сохранить.

Очевиден контраст между ценностями, свойственными «героям» в среде удельных владетелей Дельты, и ценностями исторических деятелей, которые имели возможность и стремились сохранить и даже воссоздать традиционный порядок общественной жизни Египта.

Особые политико-географические условия Дельты сделали ее в период падения центральной администрации ареной острых социальных конфликтов. Нижнеегипетское общество, особенно его средние слои, утратили социальные ориентиры, свойственные периоду стабильности. Отдельные группы мелких удельных владетелей, не имея достаточной опоры в обществе, оказались в этот период социально незащищенными. Их среда стала вырабатывать свои механизмы адаптации, что и привело к мелким распрям и появлению особой линии поведения, при которой часто преступается грань дозволенного. Асоциальное поведение оказалось гарантом существования для особой категории людей, названных здесь героями.

Однако та же социально-политическая ситуация в Дельте в 50—60-х годах VII в. до н. э. неожиданно позволила выдвинуться энергичному правителю Псамметиху, сумевшему в весьма короткий срок политически объединить весь Египет. Очаг политической нестабильности оказался исходным пунктом политической централизации и укрепления государственных основ.

Новая династия начала эру обновления египетского общества. Псамметих I не последовал концепциям Среднего и Нового царств. Политические симпатии XXVI династии были обращены к эпохе Старого царства в период могущества. Как же отразилась эта политика во внутрисоциальном плане? Что произошло с интересующими нас социальными группами в Дельте?

Из коптского текста «Романа о Камбизе» мы неожиданно узнаем о том, что даже в конце Саисской эпохи «люди Востока» благополучно пребывают в своих владениях, обладают некоей политической автономией и являют собой особую воинскую силу Египта. Однако их ценностные ориентации хотя и не выражены в «Романе» в полной мере, но все же откровенно контрастируют с теми, что были свойственны их предкам в период анархии и додекархии. Препятствием ярким форм индивидуального героизма мы здесь не обнаружим, есть лишь, так сказать, «героизм масс». Очевидно, почти полтора века политической стабильности и обращения к традиционным ценностям вновь нивелировали египетское общество и извели из него героя, как мы его понимаем в настоящей статье, хотя культ отдельных героев в Египте были известны в последующие периоды истории. Однако здесь уже вполне можно предположить и греческое влияние.

IV

Подведем некоторые итоги. Всякое общество состоит из личностей, представляющих собой полный набор различных психологических типов, которые в разных условиях проявляют себя по-разному. Когда общество стабильно, определяющую роль играют типы, чье поведение укладывается в норму, признаваемую данным обществом; лица с аномальным поведе-

нием⁷³ не имеют возможности проявить себя, — во-первых, жизнь хороша и без их сомнительной деятельности, которая поэтому не вызывает сочувствия, во-вторых, социум в целях поддержания стабильности так или иначе контролирует таких индивидов и при необходимости подавляет их. Иное дело, когда ситуация дестабилизируется. Контроль общества за своими «непослушными» членами ослабевает, и они получают реальную возможность действовать. С другой стороны, жизнь ухудшается, требуются новые решения, недоступные представителям законопослушной нормы, и эти решения вполне могут быть найдены среди множества вариантов, в том числе и бесполезных, предлагаемых аномальным поведением. Так автоматически включается «аварийный механизм», действующий только в чрезвычайных ситуациях — нормально функционирующее общество он толкал бы к развалу, поэтому его выключают, в трудное же время аномально действующие индивиды становятся необходимыми и даже определяющими лицо социума, хотя численно они остаются, разумеется, в меньшинстве.

Форм аномального поведения существует столько же, сколько людей, но в зависимости от конкретных условий отбираются лишь те, которые в данный момент оказываются почему-либо необходимыми. Если отвлечься от частных случаев, то здесь можно выявить две основные тенденции. Когда есть надежда разрешить проблемы организационным путем в приемлемый для социума срок, побеждает конструктор, когда же это невозможно (результаты достижимы только за срок больший, чем практически приемлемый), побеждает деструктор.

Как видим, аномально действующая личность — это и есть *ἥρως*. Термин *ἥρως* выделяет человека по основополагающему принципу необычности поведения, наши последующие уточнения — «герой» или «культурный герой» — говорят уже не просто об особости индивида, но о специфике его реализации в социуме. Тип «героя своего времени» является важной характеристикой состояния общества, индикатором степени оптимальности отношений внутри его, отношений его со своими соседями и природной средой.

Природные условия Египта и прежде всего определяющий всю его жизнь водный режим Нила отличаются чрезвычайной стабильностью на протяжении всей истории фараоновской государственности. Поэтому после того как долина была освоена и человек приспособился к ее достаточно специфическим условиям, а произошло это задолго до объединения страны, общество было ориентировано не на отвоевание благ у природы, а на поддержание уникального симбиоза людей и среды. Такой симбиоз со стабильной экологической системой мог сохраняться только столь же стабильным обществом, а это потребовало сложной организации трудовой деятельности и создания жестко организованных структур власти и всего социума.

Однако такая жесткая организация далеко не идеальна, ибо она оказывается неспособной к серьезным изменениям; абсолютно жесткие структуры могут существовать только в условиях абсолютной стабильности. Египет из всех цивилизаций подошел к этому абсолюту ближе всего. Помимо природных условий его долгое время спасала также изоляция

⁷³ Определение нормы и аномалии дать чрезвычайно трудно из-за отсутствия четких границ; во всяком случае, аномалию не следует путать с патологией. Говоря о лицах аномального поведения, мы имеем в виду людей, чьи действия выходят за пределы нормы. В широком смысле аномальна всякая выдающаяся личность, будь то благодетель человечества или великий мерзавец.

от окружающего мира, исключавшая внешние воздействия, но изменения, естественно, накапливались и внутри общества.

Поскольку структуры власти отличались избыточной жесткостью, они не могли компенсировать накапливавшиеся в обществе напряжения; поскольку власть была очень сильна, она обладала реальной возможностью «загонять болезнь внутрь» и доводить ситуацию до кризиса. В результате неизбежные перемены все равно происходили, но уже с ломкой структур власти и последующим развалом государственности. Наступали смутные времена — I, II и так называемый III Переходные периоды. Последующее развитие и улучшение жизни снова шли по пути установления твердой власти, только уже учитывающей реальности нового времени.

Понятно, что в общественном сознании закреплялся стереотип «сильная власть — хорошая жизнь». Такие организация и ориентация общества исключали возможность появления в Египте героя — в периоды процветания он угрожает благополучию, в периоды упадка он противоречит общему пониманию пути к процветанию через установление твердой власти. Египту нужны были не герои, а организаторы, причем в тяжелые времена — особенно. Отбор выдающихся (по нашей терминологии, аномальных) личностей производился обществом именно по этому принципу. Краткий «героический период» от Тахарки до Псамметиха I не мог не остаться в египетской истории лишь эпизодом.

THE HERO AND SOCIETY IN ANCIENT EGYPT

A. O. Bol'shakov, A. G. Sushchevskii

In any society the attitude towards heroism and the hero represents one of the most important features of its system of values. This very attitude in the Ancient Egypt is very interesting because of its particularities. In most cases, the hero embodies society's striving for change, he is the destroyer of stability and the violator of order. As a rule, he acts spontaneously, for the sake of acting. This hero is the exact opposite of the so called «culture hero».

For most of its historical existence, from the time of the unified state to the VII-th century B. C., Egypt had no such heroes. This is not very surprising as in Egypt the man-nature eco-system was distinguished by its extraordinary stability, and led to the establishment of an incredibly stable state, where the hero was considered to be extremely dangerous. In Egypt, the diligent and successful employée had taken the place of the hero, and even warriors described their feats in the terms pertinent to a career in the bureaucracy. During the period of Egypt's increased military activity — in the times of the Middle and particularly of the New Kingdom — the king was regarded as a hero, but this phenomenon was not wide-spread enough to influence the system of values of the entire society.

After the collapse of the New Kingdom, there, in the Delta, which was then governed by numerous Libyan rulers, an unusual situation occurred (the so called period of «Libyan anarchy»), when, for the first time, there was a plethora of heroes. The only way for the military clans to survive was through continuous strifes, in which the hero became the central figure. «Pharaoh Psammetichus I Legends», which until recently were not considered to be a reliable historical source, is a good example. The Libyan rulers worked out a specific system of values, in which the best mode of behaviour was to unleash a strife, the clans' organisation was to become more important than the power of the monarch, and the interests of the clan were to supersede those of the state.

As soon as Psammetichus I managed to unite Egypt and re-establish a strong central government, the hero was no longer part of the picture. The period of the «Libyan Anarchy», which lasted fifty years, was only a short episode, falling out of the Egyptian history, in fact, it was the one exception which so perfectly proves the general rule.